

При первой встрече он показался мне пижомом и щеголем: светло-серый костюм явно заграничной постройки сидел на его монументальной фигуре слишком уж элегантно. Галстук и платочек в верхнем кармашке пиджака свидетельствовали о хорошем вкусе. К этому следует добавить тщательную вычорбительную, однако все-таки задевающую снисходительность, красиво окрашенный и хорошо поставленный баритон, еженедельно звучащий по радио в передаче «С добрым утром!»... Все это вместе взятое и составит портрет популярного в ту пору писателя-юмориста Бориса Ласкина, мэтра, классика, за коим числились такие всенародно любимые сочинения, как песни «Три танкиста» и «Спят курганы темные», сценарий «Карнавальная ночь», десятки комедий, рассказов, фельетонов, юморесок, над которыми смеялась вся страна.

Как Борис Ласкин спас Якова Шведова

Познакомил нас на вечере в ЦДЛ президент знаменитого клуба «Двенадцать стульев» «Литературной газеты» Виктор Веселовский, мой крестный отец по части пародий. Борис Савельевич был приветлив, но сдержан. Сказал, однако:

— Это я пригласил вас. Пора уже вам выходить на люди. Юмористу нужна сцена, зрители. Надеюсь, не подкачаете и рекомендация вашего не подведет.

Сказано это было со снисходительностью мастера к подмастерью. Правда, потом, представляя меня публике, Ласкин был более щедр в эпитетах, по-моему, даже слишком щедр, и я изо всех сил старался отработать аванс. Вероятно, удалось, ибо не без «протекции» Бориса Савельевича оказался я в писательской бригаде, представляющей Центральный Дом литераторов в Ленинграде, вместе с Булатом Окуджавой, Татьяной и Сергеем Никитиными, Марком Галаем...

Там, на берегах Невы, понял я, что ошибался насчет Ласкина. Мы часто беседовали с ним, и он, открывая мне секреты ремесла, был далек от назидательности и поучительства. Желание добра и успехов другим было в нем естественной потребностью, которой, увы, наделены далеко не многие большие писатели. Слава делает человека эгоистом. Что же касается пижонства... Скорее это был особый шик, с которым умел носить Борис Савельевич вещи, что вообще отличало многих старых мастеров. Помню, какое впечатление произвел на меня своим элегантнейшим костюмом Семен Кирсанов, как великолепно сидела «пижонская» светлая пара на Михаиле Луконине, казавшемся белой вороной среди монотонной серости одежд своих коллег по аппарату Союза писателей, где служил он в высоком чине...

Но по-настоящему я узнал Ласкина много позже, в совместной поездке по Ставропольскому краю, где выпало нам пропагандировать среди тружеников полей и ферм печально знаменитую ныне Продовольственную программу.

Судя по обилию даров земли, царившему на столах во время памятной этой Декады советской литературы, никакой нужды в особой Продовольственной программе не было: от яств и питания разбегались глаза даже у завязятых декадников. Новобранцы же, в числе коих находился и я, были потрясены. Это стало темой шуток и анекдотов, но только для «служебного пользования». С трибун звучали бодрые заверения в том, что «литераторы восприняли призыв партии и правительства как свое кровное дело...»

Но я отвлекся, а уже пора рассказать ту самую историю, которая и изменила столь круто мое представление о Борисе Ласкине, вызвала глубокое уважение к нему не только как к талантливому писателю, но и как к доброму человеку.

В один из декадных дней, была организована экскурсия по памятным местам Ставрополя. Маршрут путешествия пролегал через музеи, выставки, театры, библиотеки и привел огромную толпу «гордости и цвета нашей литературы» в какой-то весьма живописный парк. Местность

Борис Ласкин

здесь оказалась сильно пересеченной: холмы, овраги, ручьи, кочки... Мы скакали, словно зайцы, рискуя вообще не выбраться отсюда.

Борис Савельевич ловко балансировал в артистичных прыжках, умудряясь при этом страховать от падений жену. Шутки его подбадривали вконец выбившегося из сил Якова Шведова, по лицу которого ручьями струился пот. Он еле передвигал ноги.

— Зря потащили старика, — сказал мне Борис Савельевич. — Могли бы предупредить, что в этой экскурсии предполагается полоса препятствий. Слава Богу, хоть противопоказы не заставляют надевать.

С этими словами он попытался перепрыгнуть довольно широкий ручей с глинистыми топкими берегами. Попытка удалась. Я последовал его примеру. И тоже успешно. А вот Яков Захарович переоценил свои возможности и приземлился, точнее — приводелся в самой середине ручья, поскользнулся, упал и неловко так стал выбираться на берег. Стоявшие неподалеку коллеги на обоих берегах этой злополучной преграды весело смеялись, выкрикивая: «Ну дает Яша!», не делая никаких попыток помочь ему.

И тогда в воду шагнул Борис Ласкин. Не снимая элегантных своих мокасин, не закатывая брючин безупречно отглаженных штанов, он протянул ему руку, помог выйти на берег, перепачкавшись в глине. Здесь уже никого не было: подручные партии и правительства продолжали экскурсию, позабавившись смешным эпизодом. Яков Захарович же чуть не плакал: костюм его был промочен до нитки, испачкан, а вечером предполагалось главное наше выступление в Ставрополе, и Шведов был одним из «гвоздей» программы: автора «Орленка» и «Смуглянки» знали и любили, и встречи с ним ждали.

— Что будем делать, Боря? — спросила жена Ласкина, помогая потерпевшему снять и отжать пиджак.

— Надо вернуться в гостиницу. Надеюсь, автобусы не ушли без нас, — ответил он, огорченно глядя на свой перепачканный грязью костюм.

И мы стали осторожно подниматься на довольно крутой холм, чести инициаторов этой дурацкой экскурсии. Борис Савельевич шепнул мне:

— Знаете в чем беда, Алексей Степанович? У Яши — это единственный костюм, в котором он может выйти на сцену. У меня в гостинице есть еще пара, но размер...

От торжественного обеда чета Ласкиных отказалась, сославшись на усталость. Взяв в автобус Шведова, они отправились в гостиницу. Я хотел ехать с ними, но Борис Савельевич сказал:

— Оставляйтесь. Мы управимся, опыт есть. И они уехали.

Вечером я встретил Якова Захаровича в фойе театра. Выглядел он отменно: костюм отутюжен, белая сорочка — корабом от крахмала, галстук завязан модным узлом. Словом, во всем чувствовались умелые и заботливые руки Ласкиных. Увидев меня, Шведов сказал с виноватой улыбкой:

— Вот земляк (мы с ним — тверяки), какая история приключилась, оплошал я. Спасибо Борису и супруге его. Они из-за меня без обеда остались...

Шведов вышел на сцену одним из первых, и зал встретил его овацией. Он кланялся — маленький седой человек с добрыми и удивленными глазами ребенка, растерянно улыбался, словно боялся, что публика знает о том, что с ним приключилось сегодня, и стеснялся этого.

Мы с Ласкиным сидели рядом. Я сказал, наклонившись к нему:

— Молодец вы, Борис Савельевич! Это поважнее, чем хороший рассказ написать.

— О чем вы, Алексей Степанович? — искренне удивился он. — Давайте послушаем, Яша сейчас читать будет.

И он поправил роскошный, в тон костюму галстук.

Алексей ПЬЯНОВ

Ласкин Боря